Х.Д.Р.

СКОРАЯ СМЕРТЬ

ВРЕМЯ ЕСТЬ, НО НЕ ДЛЯ ТЕБЯ.

Х.Д.Р. _

Скорая смерть

«Автор»
2026

_ X.

Скорая смерть / X. _ — «Автор», 2026

Измотанный работой врач скорой помощи решает тайно убивать асоциальных пациентов, чтобы бригада успевала спасать «достойных» людей.

© _ X., 2026
© Автор, 2026

Х.Д.Р. _
Скорая смерть

Глава 1. Синдром выгорания

Смена начиналась в шесть утра, хотя по официальному графику Артём должен был принять дежурство только в восемь. Смартфон на тумбочке завибрировал — резко, пробивая тяжелый, липкий сон, в котором он снова и снова безуспешно пытался нащупать пульс на чьем-то холодном, восковом запястье. В том сне не было ни сирен, ни криков. Только глухая, вакуумная тишина.

— Бодрого!!! Соколов, ты снова на шестнадцатой бригаде, — голос диспетчера в динамике звучал так, будто она сама не спала с начала позапрошлой недели, но пыталась казаться бодрой. — Козлов свалился. Ковид. Второй раз за этот год, представляешь? Звонил, хрипит, температура под сорок, говорит — задыхается.

Артём лежал на продавленном диване в своей однушке на пятом этаже панельной девятиэтажки, безучастно глядя в потолок. Желтоватые разводы от старой протечки сверху напоминали карту какого-то заброшенного, высохшего континента. Ремонт он так и не сделал — всё откладывал. Ипотека за эту квартиру висела на шее глухой удавкой — оставалось еще двенадцать лет выплат. Если, конечно, доживет.

— Ясно, — хрипло выдавил он, прочищая горло. В рту пересохло, будто он наглотался мелкого песка.

— Ну а кому еще звонить, Тём? — Диспетчер вздохнула, на заднем плане защелкала клавиатура. — Ты у нас универсальный солдат. Половина подстанции на больничном с положительными тестами, вторая половина рапорта на увольнение пишет. Сил ни у кого нет.

— Козлову, судя по всему, умирать не хочется, — Артём сел, опустив ноги на ледяной линолеум, и с силой потер лицо ладонями. Двухдневная щетина отозвалась жестким шуршанием. — Раз задыхается — пусть лежит, сатурацию караулит.

— Юморист. В шесть сорок чтоб на подстанции был. Форма чистая, носки — парные.

— А что, есть варианты?

— Всегда есть. Но не для тебя сегодня.

Он отключил вызов и бросил телефон на тумбочку. За окном стояла глухая, промозглая темень поздней осени. Ноябрь. Город задыхался от липкой серости и нескончаемого мелкого дождя.

Артём дошел до ванной, крутанул кран и плеснул в лицо ледяной водой. Из зеркала над раковиной на него глянул парень двадцати семи лет, которому на вид можно было смело дать все сорок. Тёмные, глубоко въевшиеся круги под глазами, ранняя сухая седина на висках, привычка так сильно сжимать челюсти, что на скулах постоянно ходили желваки. Два года на линейной бригаде скорой, три года до этого — в ординатуре, последипломной больничной практике под присмотром профессоров. И вот он здесь. Дипломированный кардиолог, который научился латать всех вокруг, кроме собственного рассыпающегося организма.

Последние три года превратились в сплошной затяжной кошмар. Пандемия, которая по телевизору должна была закончиться за пару месяцев, растянулась в бесконечную, выматывающую череду мутирующих штаммов. Люди выживали, но выходили из ковидных госпиталей со сморщенными, выжженными фиброзом легкими и вечным туманом в голове — классическим постковидным синдромом. Но сами медики сгорали быстрее пациентов. Сокращения, бесконечные подмены, двойные смены. Артём уже не помнил, когда в последний раз спал дольше четырех часов подряд без глухого стука сердца в ушах.

В раздевалке подстанции привычно разило хлоркой, пережженным растворимым кофе и въевшимся в штукатурку запахом чужой многолетней усталости. Валера Кузьмин, водитель, сорок два года, сидел на низком деревянном табурете и привычно завязывал шнурки на стоптанных кроссовках. Плотный живот под синей форменной курткой казался отдельным живым существом — он тяжело выпирал, когда Валера нагибался, и со вздохом втягивался обратно.

— Слышал, на четырнадцатую новую девчонку кинули? — спросил Валера, не поднимая головы от кроссовка. — Только из медицинского. Говорят, чистая статистика — ещё ни одного пациента на смене не потеряла.

— И что? — Артём дернул дверцу шкафчика, достал старый термос с оббитой по краям зеленой эмалью — подарок матери на совершеннолетие.

— А ничего. Примета паршивая, Соколов. Как корабль назовешь, так он и поплывет. Девчонка эта просто еще нашей реальности не нюхала. Ей кажется, тут кино.

Артём проверил индикатор зарядки на смартфоне, сунул его в карман.

— Валер, ну какие приметы? Двадцать первый век на дворе, ну ты чего?

— Я в диспетчера верю, Соколов, — Валера наконец разогнулся, хрустнув поясницей, и серьезно посмотрел на врача. — Она у нас главная по погоде. Скажет по рации «умирает» — значит, точно помрёт. Скажет «просто живот прихватило» — жди аппендицит с перитонитом, когда гнойник уже лопнул и залил брюшину. А про девчонку эту... Мне еще бабка говорила: хочешь, чтоб день прошел спокойно — вообще с кровати не вставай.

— А если встал?

— Тогда молись. Или пей. Но лучше не смешивать.

Артём молча нащупал в кармане куртки твердый блистер нитроглицерина. Старая привычка со времен чистой кардиологии. Тогда, на третьем курсе, он наивно верил, что эта маленькая таблетка под язык — абсолютное спасение, способное мгновенно расширить коронарные сосуды и остановить инфаркт миокарда. Теперь он знал: иногда это просто кусок мела, который срабатывает через раз. Как повезет.

— Поехали? — Валера звякнул ключами от машины.

— Поехали.

На улице караулила сырая, жидкая темень. Разбитый асфальт отражал редкие фонари грязными желтыми лужами. Где-то за гаражным кооперативом монотонно выла собака. Город ворочался в своей ночной жизни. В кино по ночам раскрывают заговоры и целуются под дождем. В реальности — скорую вызывают из-за трехдневного запора, похмельной дрожи или потому что «сосед за стенкой слишком громко дышит, спать мешает».

Первый адрес — пожилая женщина, классический криз. Четвертый этаж старой хрущевки без лифта. Подъезд встретил глухой темнотой и шатающимися перилами. В коридоре густо пахло жареной картошкой на сале и старыми кошками — неизменными спутниками одинокой старости.

— Ой, доктор, миленький, спасибо, что доехали. Я уж думала — всё, не проснусь утром, — женщина в застиранном халате судорожно прижимала ладонь к груди. На кухне высилась гора немытых тарелок, со стен смотрели выцветшие черно-белые фотографии.

Артём накачал манжету тонометра. Стрелка дернулась на сто восемьдесят. Нижнее — сто.

— Не помрёте, Зинаида Петровна. Давление высокое, но не смертельное. Вот вам каптоприл, таблетку под язык, рассасывать. И лежать, телевизор выключить.

— А может, две, сынок? Для верности?

— Нельзя. Одной хватит, а то уроним давление так, что голова закружится.

Старушка смотрела на него с глухой, пронзительной благодарностью. Артём давно научился отличать этот взгляд от обычного страха смерти. Через неделю она вызовет их снова. Не потому, что таблетки кончатся. Просто одиноко. Сын уехал в столицу, звонит раз в месяц по праздникам. А бригада скорой — это единственные живые люди, которые придут, подержат за руку, померяют давление и просто поговорят пять минут. Но эти пять минут сейчас были нагло украдены. Украдены у кого-то, кому прямо сейчас в другом конце района действительно не хватало воздуха.

Глава 2. Паразит

Валера ждал во дворе, не глуша мотор старого «Форда» с красным крестом на борту. Он вообще никогда не выключал зажигание на адресах — боялся заглохнуть в самый неподходящий момент, хотя на улице было чуть выше нуля и салон без печки остывал за минуты.

— Что там? — Валера переключил тумблер на панели.

— Как обычно. Давление на фоне тотального одиночества. Таблетку дал, уехал.

— А мне на прошлой смене бабка одна выдала, — Валера плавно включил передачу, машина дернулась вперед. — Жалуется, мол, сердце колет. Я ей: «Бабуль, корвалол-то капала?» А она мне: «Какой корвалол, милок, у меня душа горит, дед-то мой третью неделю как на кладбище». Ну я карту закрыл, подпись её под отказом взял и поехал. Душу лечить — это к попам, не к нашей службе.

Артём промолчал. Валера крутил баранку на скорой уже двадцать лет и до сих пор не выгорел дотла только потому, что умел перерабатывать чужую ежедневную боль в циничные, сухие анекдоты.

Второй вызов — мужик сорока пяти лет, жалобы на острые боли в груди. Артём раскатал провода портативного кардиографа, снял ленту ЭКГ — сердце работало ровно, без признаков ишемии. Обычная межреберная невралгия, когда воспаленный нерв между ребрами стреляет так, что симулирует инфаркт. Всё это — на фоне недельного беспробудного пьянства. Мужик кривил губы, недоверчиво разглядывая молодого врача. Мол, что этот молокосос в халате понимает.

— Слышь, доктор, может, в больничку меня? От греха? — канючил пациент, обдавая Артёма густым сивушным перегаром.

— Можно и в больницу, — Артём методично сматывал провода аппарата. — Только там вас положат в приемном покое на каталку у общего туалета, вколют копеечный анальгин и оставят лежать до утреннего обхода. Вам оно надо?

— Нет...

— Тогда завязывайте с водкой и выспитесь.

Мужик злобно ушел вглубь квартиры, с грохотом захлопнув межкомнатную дверь. Через пару часов, когда алкоголь снова ударит в мозг, он вызовет другую бригаду. Обязательно вызовет.

К полуночи счетчик адресов перевалил за первый десяток. Поясница ныла от постоянных подъемов пешком, глаза плыли от усталости. В кабине негромко шуршало радио, крутили какой-то бессмысленный поп-хит, но Артём не вслушивался.

— Так, шестнадцатая, ловите, — Валера ткнул пальцем в экран рабочего планшета. — Общежитие на Заводской. Мужчина, двадцать восемь лет. Передозировка. Сожительница набрала, орет в трубку.

Артём устало закрыл глаза.

— Опять этот притон.

Старая пятиэтажка встретила облупившейся краской стен и стойким, невыветриваемым запахом мочи вперемешку с сырой штукатуркой. Третий этаж, фанерная дверь, наспех обитая рваным серым дерматином. Артём приезжал по этому адресу трижды за последний месяц. Каждый раз — один и тот же персонаж. Худой, бледный, с абсолютно пустыми, безразличными глазами.

Он сильно постучал кулаком в дверь. За ней что-то тяжело грохнуло, послышались шаркающие, неровные шаги. Замок звякнул, дверь приоткрылась всего на несколько сантиметров — ровно на длину железной цепочки. Из щели пахнуло смесью дешевого алкоголя, табачного перегара и едкого химического ацетона. Лицо хозяина было мертвенно-серым, со следами запёкшейся крови на нижней губе. В глазах читалась тупая, животная агрессия.

— Че надо?

— Скорую вызывали? Наркотики, передозировка.

— Ниче я не вызывал. Валите отсюда, пока целы.

— Подождите, — Артём быстро вставил носок жесткого ботинка в щель, не давая закрыть дверь. — Вам плохо, лицо серое. Дайте я вас хотя бы осмотрю.

— Слушай ты, докторишка, — мужчина грязно ухмыльнулся, обнажив гнилые, изъеденные зубы. — Ты мне тут нахрен не сдался. Я сам отлично знаю, когда мне подыхать, просек?

Вот когда приспичит — наберу, и вы приедете. Вы обязаны, вы за это бабки получаете с моих налогов, понял? А сейчас — пошел вон.

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Железная цепочка натянулась изнутри и звякнула.

Артём остался стоять на темной площадке, неподвижно глядя на глубокую трещину в дерматиновой обивке. Внутри него словно с противным треском лопнула какая-то тугая пружина. Где-то в этом же спальном районе прямо сейчас задыхался человек, который отчаянно хотел жить. А этот гниющий заживо паразит просто швырялся государственным временем и чужими жизнями.

Он развернулся и быстро пошел вниз по лестнице. Напарница-стажерка Алиса, студентка шестого курса, испуганно семенила следом, прижимая к себе медицинскую укладку.

Глава 3. Девочка

Они только успели сесть обратно в кабину «Форда», и Валера едва переключил тумблер на панели, как рация, закрепленная на приборной доске, затрещала. Голос диспетчера в динамике был на грани срыва, срываясь на хриплый крик:

— Шестнадцатая! Снимитесь с Заводской, если закончили! Срочный адрес! Заводская, двенадцать, соседний двор! Ребёнок, пять лет. Судороги, потеря сознания на фоне высокой температуры! Мать в полной панике! Живее, шестнадцатая!

Артём резко подался вперед. Остатки усталости мгновенно выжгло чистым адреналином.

— Валера, гони! Соседний дом, двенадцатый!

Машина взревела, с пробуксовкой срываясь с места и прыгая по ухабам разбитого дворового асфальта. Сирена взвыла на самой высокой, режущей уши ноте. До соседнего дома было всего триста метров, но эти секунды показались Артёму вечностью. Мысль, полная яда, отчетливо обжигала мозг: если бы они не торчали у запертой двери того наркомана, если бы не выслушивали его пьяный бред про налоги, они бы уже были на месте. На пять, на семь минут раньше. А в педиатрии эти минуты решают вообще всё.

Валера резко затормозил у темного подъезда. Единственная лампочка над входом давно перегорела. Артём выскочил, подхватив тяжелый ящик-укладку с реанимационным набором. Алиса тяжело дышала поодаль, стараясь не отставать.

Они взлетели на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута настежь. Из глубины коридора доносился страшный, надрывный горловой плач матери — животный звук, который издает человек, чей мир рушится прямо сейчас.

В комнате на диване лежала маленькая девочка в ситцевой пижаме с зайцами. Светлые волосы растрепаны, губы синие, кожа жуткого серо-мраморного оттенка. Глаза полуоткрыты, но зрачки закатились вверх так, что виднелись одни белки. Она была неподвижна. Фебрильные судороги — непроизвольные мышечные сокращения, вызванные критическим перегревом мозга, — уже прекратились, уступив место глубокой коме.

— Она не дышит! Сделайте же что-нибудь! — закричала женщина, мертвой хваткой вцепляясь в рукав куртки Артёма. — Она просто горела вся, я дала ей аспирин, а её затрясло... а потом она обмякла! Доктор, умоляю!

Артём жестко оттолкнул её в сторону, падая на колени перед ребенком. Пальцы легли на сонную артерию на шее. Пульса не было. Грудная клетка оставалась абсолютно неподвижной. Остановка дыхания и сердца на фоне тяжелейшего гипертермического синдрома — критического перегрева тела — и стремительного отека мозга.

— Алиса, мешок Амбу! Ручную вентиляцию сюда, быстро! И готовь ларингоскоп, будем вводить трубку прямо в трахею! — скомандовал он, срывая металлические застёжки с ящика.

Он начал непрямой массаж сердца, мерно нажимая двумя пальцами на крошечную, хрупкую грудную клетку. Раз, два, три, четыре... Алиса дрожащими руками пыталась собрать дыхательный мешок, её глаза были огромными от испуга.

— Быстрее, чёрт тебя дери! — рявкнул Артём.

Они качали её двадцать минут. Вводили адреналин прямо в глубокую подключичную вену под ключицей, потому что периферические венки на руках от шока давно спались, превратившись в невидимые ниточки. Артём работал как заведенный автомат, обливаясь потом. Но холодный внутренний голос врача уже знал ответ. Слишком поздно. Кора мозга погибла от гипоксии — тотального кислородного голодания — еще тогда, когда они стояли под дверью общежития и слушали маты наркомана. Когда они тратили драгоценные секунды на того, кто швырялся своим временем.

В 03:45 Артём остановился. Он медленно убрал руки, посмотрел на настенные часы с кукушкой, громко тикавшие в тишине комнаты, а затем — на затихшую девочку.

— Всё, — тихо и глухо произнес он. — Констатация. Время смерти — три часа сорок пять минут.

Мать не закричала. Она издала странный, сухой хриплый звук, похожий на лай, и медленно осела на линолеум, намертво сжав в кулаке маленькие детские колготки.

Артём молча собрал инструменты в ящик. Пальцы оставались ледяными. Внутри не было ни жалости, ни слез — только тупая, тяжелая ярость. Он вышел на лестничную площадку, достал из пачки сигарету и чиркнул зажигалкой. Дым показался горьким, как сама смерть.

Алиса вышла следом, размазывая слезы по щекам рукавом синей куртки.

— Артём Сергеевич... — тихо, с запинкой спросила она. — Мы ведь... мы всё по протоколу сделали? Да?

— По протоколу, — ответил он, не глядя на неё. — Но это не помогло. Мы просто опоздали. Из-за того паразита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.